

Брак без штурма

«1993» СЕРГЕЯ ШАРГУНОВА

Анна Наринская

ВАСИЛИЙ ШАПОШНИКОВ

ВОТ, НАПРИМЕР, едешь ты в детстве каждое лето в один и тот же дачный поселок, приживаешься там, находишь себе друзей, ходишь в гости к соседям и не то чтобы наблюдаешь за их жизнью, а просто часто видишь их. Тогда, ребенком, ты воспринимаешь этих немного смешных, немного неуклюжих людей как нечто само собой разумеющееся, почти как часть пейзажа, но потом ты вдруг (в пандан советской шутке о том, в какой шок повергает понимание, что дедушка Ленин тоже ходил в туалет) осознаешь, что вот они, эти папа с мамой твоего дачного приятеля — такие толстые, ворчливые и повседневные, — они тоже занимаются этим и что вообще у них есть какая-то своя отдельная жизнь, про которую ты можешь только догадываться. Про эту жизнь Сергей Шаргунов написал роман, который называется «1993». Как и обещано названием, там есть про защиту Белого дома и штурм «Останкино», про Макашова и Бабурина, про то, как «белоснежный, в черной шапке дыма, дом возвышался большой и слабый», а «пушка поползла, выплонула снаряд, и косматое грязноватое облачко вырвалось из очередного окна». Но, во-первых, там про это

очень мало, во-вторых, там нет никакой даже попытки осознать, что собственно тогда случилось, а в-третьих, этот роман совсем про другое. В этом несоответствии между заявленным и действительным нет ничего для литературы необычного. Хотя в случае Шаргунова с его реноме политически ангажированного молодого писателя (отчасти почвенника, отчасти левака, поклонника Эдуарда Лимонова, друга Захара Прилепина и проч.) — такой разрыв между тем, что автор вроде бы обещался сказать, и тем, что он на самом деле говорит, все-таки слегка раздражает.

А говорит Сергей Шаргунов про то, что такое брак. Вернее, он про это спрашивает. Спрашивает, как же так может быть, что люди живут как кошка с собакой, и вроде бы между ними нет ничего общего и даже им самим эта совместная жизнь кажется опостылевшей привычкой — а, оказывается, это и есть любовь.

Проблема в том, что ценен здесь все-таки не вопрос, а ответ. Не изумление, а понимание. В этом тексте отсутствующее.

Вот, скажем, Шаргунов рассказывает, как прожившие больше 10 лет вместе супруги

отправляются по грибы, начинают по привычке переругиваться, а потом прямо там, среди сосен, «он резким движением потянул на ней тренировочные штаны вместе с трусами, обнажил по бедра, приподнял ее и новым движением спустил их до колен». Написано, похоже, со спортивным знанием дела, но какое отношение это имеет к тому, как душа отторгает повседневное и в то же время не может без него существовать. К тому, как нежность с годами перерабатывается в грубость, как привычка изъедает чувства и как она же порождает новые — более сложные и глубокие. Про все это автор «1993» ученически интересуется, но точно так же ученически ничего не знает.

На этом месте мне, наверное, следовало бы написать что-нибудь резкое. Потому что роман Шаргунова этого заслуживает. Там так много слабого — эротические сцены (за которые вполне можно было бы присудить какой-нибудь отечественный аналог Bad Sex In Fiction Award), надоедливая художественность эпитетов («мама была звонкой», «он потянул воздух тугим носом»), очевидная конъюнктурность (в тексте мельком присутствует внук главного героя — теперешний узник Болотной, — символизирующий, очевидно, преемственность русского поиска правды и извечной русской неудовлетворенности). Но, нет, резко писать все же не стану. Потому что в этом романе есть живое чувство. Это как если ты, например, ездил в детстве каждое лето в один и тот же дачный поселок, ходил в гости к малоинтересным вроде бы соседям. А потом, через много лет, вспомнил все эти привычные визиты и разговоры, и тут вдруг стало ясно — так это ж ты их любил.

Сергей Шаргунов. «1993». М.: АСТ, 1993

